

КАРПАТО-УКРАИНСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

КОНСТАНТИН КУЦОВ

Первые карпато-украинские студенты (под этим определением подразумеваем студентов высших учебных заведений, происходивших с территории современной Закарпатской области (Украина) и Пряшевского края (Словакия), которые идентифицировали собственную национальность адекватными тому времени этнонимами: «подкарпатский русин», «карпато-росс», «подкарпатский украинец» и т.д.) появились в высоких школах молодой Чехословацкой Республики уже в 1919/20 учебном году. В течении всего межвоенного периода наибольшее их число концентрировалось в столице ЧСР. Именно в Праге и возникли первые организации карпато-украинского студенчества, созданные за национально-земляческим принципом – русофильское общество «Возрождение», основанное 4 ноября 1920 г.,¹ и альтернативный ему «Социальный Студентский Союз Подкарпатских Русинов» (в последующие годы эта организация несколько была переименована, поэтому в статье будем употреблять сокращенное название «Союз»), созданный 24 апреля 1921 г.² В рядах этих организаций были собраны практически все карпато-украинские студенты, обучавшиеся в Праге в период с 1920 по 1939 годы.

Акцентируя максимум внимание на вопросах социальной защиты своих членов и частично – на культурно-просветительской работе, «Возрождение» и «Союз» в первые годы своего существования старались максимально изолироваться от политики, которую считали опасной для учащейся моло-

1 Archiv hlavního města Prahy (АНМР), fond Magistrát hlavního města Prahy II, SK X/252, kart. 436.

2 Кене, Ю.: Організаційний розвиток підкарпатського українського студентства In: Календар «Просвіта» на 1937 рік. Ужгород 1936, s. 101–102.

дежи.³ Но уже к середине 1920-х гг., как следствие активизации политической жизни в Подкарпатской Руси и Пряшевщине, она все больше проникала в карпато-украинскую студенческую среду... В этот период в Праге были созданы карпато-украинские подразделения Центрального союза аграрных академиков (1924) и Центрального союза социал-демократических студентов (1925),⁴ в ряды которых вступило немалое (по тем временам) число членов «Возрождения» и «Союза». Поскольку обе организации были лояльны к чехословацкому правительству, участие в их деятельности карпато-украинских студентов подозрений не вызывало.

Однако уже в скором времени политическая активность карпато-украинского студенчества начала вызывать у властей серьезные опасения. Дело в том, что 7 марта 1926 г. в Праге состоялось собрание, на котором студенты выступили против языковой политики ЧСР в отношении Подкарпатской Руси и Пряшевщины. Поводом к нему послужило распоряжение правительства по языковому вопросу, изданное перед этим. Участие в собрании приняло большинство карпато-украинских студентов, находящихся в столице.⁵ Тогда же было принято заявление об осуждении языковой политики и явлений с этим связанных. Его подписали лидеры «Возрождения», «Союза», ячеек «аграрных академиков» и «социал-демократических студентов». Документ был опубликован в прессе и отослан в канцелярию президента.⁶

События дали серьезные основания усомниться в лояльности карпато-украинского студенчества и заподозрить его в связях с оппозиционными политическими силами. В частности подозрения касались возможного сотрудничества с Коммунистической партией (КПЧ), которая пользовалась в Подкарпатской Руси солидной электоральной поддержкой⁷ и наиболее резко выступала против национально-языковой политики ЧСР в отношении подкарпатских и пряшевских украинцев. Уже 11 августа 1926 г. ужгородская полиция информировала краевую полицейскую дирекцию

3 Куцов, К.О.: Особливості політичних поглядів карпатоукраїнських студентів у Празі (1921–1930) (До питання про їх партійну самоідентифікацію) In: Науковий вісник Ужгородського університету, серія «Історія», вип. 1 (36), 2017, s. 23.

4 Ročenka Československé republiky VI, 1927. Praha, 1927, s. 269.

5 Якъ отбылось значительное демонстраційное собрание карпато-русскихъ студентовъ противъ языковаго розпоряженія. In: Русскій Вестникъ [Ужгородъ], 1926, 11 апреля, s. 3.

6 Archiv Kanceláře prezidenta republiky, fond KPR – protokol PR (Podkarpatská Rus), inv. č. 920, kart. 15, sign. PR 167.

7 На выборах 1924 и 1925 гг. коммунисты одержали в Подкарпатской Руси убедительную победу с результатом в 39,4% и 31,2% соответственно: Токар, М.: Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919–1939). Ужгород 2006, s. 329–330.

Подкарпатской Руси о существовании в Праге неформального коммунистического кружка, объединявшего студентов из Подкарпатской Руси. По данным полиции, его лидером был студент философского факультета Карлова университета Степан Петрус (1895–1975), который увлекся коммунистическими взглядами во время мировой войны, находясь в русском плену. Вообще же к тайным приверженцам коммунистической партии полиция относила более 100 студентов из Подкарпатской Руси, обучавшихся в высоких школах Праги и Пршибрама и даже греко-католических духовных семинариях Ужгорода и Пряшева. Среди студентов вузов, наряду с венграми и евреями, в списках потенциальных коммунистов фигурировало несколько активных деятелей «Возрождения» и «Союза». Например, там был и тогдашний лидер «карпаторусских аграрных академиком» Эдмунд Гойдич (1901–?), принимавший активное участие в собрании 7 марта.⁸ Последний факт свидетельствовал, что истинной причиной подозрений было именно недавнее протестное собрание, а связь студентов с коммунистами была в значительной степени надуманной.

Спустя несколько лет тема сотрудничества карпатоукраинских студентов с коммунистами вновь фигурировала в полицейской документации, но на этот раз подозрения касались исключительно членов «Союза». Такая выборочность была понятной, поскольку «Союз» в этот период заметно украинизировался, а наибольшими выразителями проукраинских настроений в Подкарпатской Руси в те времена были именно коммунисты. Так в донесениях от 18 мая и 26 июня 1928 г., «Союз» назывался организацией, в руководстве которой пребывают студенты, находящиеся под влиянием коммунистов и сотрудничающие с коммунистическими изданиями – «Карпатська Правда» и «Наша Земля». Главным же коммунистическим агитатором среди «союзовцев», по мнению полиции, был студент юридического факультета Карлова университета Михаил Фушич (1907–1989).⁹

Такие утверждения, безусловно, имели под собой определенные основания. Но лишь частично. В тот период «Союз» действительно некоторое время сотрудничал с журналом «Наша Земля», издающимся в 1927–1928 гг. в Ужгороде. В частности – с ноября 1927 г. по март 1928 г. на страницах издания нерегулярно выходила рубрика «Студентський куток», которую вели сами «союзовцы». Кроме того, в конце 1927 г. студенты обратились к остальным коллегам с призывом подписываться на журнал и снабжать его материалами на студенческую тематику. При этом сам текст обращения был приукрашен рядом метафор, присущим коммунистическим ло-

8 Державний архів Закарпатської області (ДАЗО), Ф. 29, оп. 3, спр. 598, арк. 13–344.

9 Ibidem спр. 804, арк. 72, 74.

зунгам.¹⁰ Однако выбор студентов в пользу данного издания был скорее обусловлен его прогрессивностью в языковом вопросе, нежели идеологическим фактором: журнал печатался исключительно на украинском литературном языке с фонетическим правописанием, что для Подкарпатской Руси того времени было большой редкостью. К тому же официально «Наша Земля» не позиционировалась как коммунистический орган (хотя финансировалась крайкомом КПЧ и пропагандировала социально-культурные «достижения» Советской Украины), а ее ответственным редактором и издателем был Василий Гренджа-Донский (1897–1974) – видный литератор-украинофил, который формального отношения к компартии не имел.¹¹ Что же касается упомянутого в донесениях студента М. Фушича, то определенная его связь с коммунистическим движением действительно прослеживалась, так как его старший брат, Василий Фушич (1900–1970), годом ранее вернулся в Подкарпатскую Русь из Харькова, где учился по направлению крайкома КПЧ.¹² Однако в период обучения в Праге М. Фушич даже не был членом правления «Союза», поэтому говорить о его серьезном влиянии на формирование идеологии организации или же ее позицию в политических вопросах вряд ли справедливо.

Правда, уже к концу 1928 г. влияние на «Союз» со стороны коммунистов действительно стало ощутимым. Связано это было с деятельностью двух членов организации – студентов юридического факультета Павла Добровского (1907–1984) и Николая Цуперяка (1908–1999). Оба они были членами КПЧ, а также поддерживали тесную связь коммунистами из числа украинских эмигрантов, проживавших тогда в Праге.¹³ Активность и достаточно высокий авторитет среди членов «Союза» (особенно тех, с которыми оба студента-коммуниста в свое время обучались в Береговской гимназии) позволил Добровскому и Цуперяку за сравнительно короткий период занять в организации довольно влиятельные позиции. Так уже в 1927/28 учебном году П. Добровский занимал должность писаря пражского «Куреня старших пластунов им. О. Вахнянина», к которому принадлежало более поло-

10 До всіх підкарпатських укр. Студентів. In: Наша Земля [Ужгород] 1927, № 10, s. 13–14.

11 Гренджа-Донський, Василь: Щастя і горе Карпатської України: Щоденник. Мої спогади. Ужгород 2002, s. 396–397.

12 В 1936–1938 гг. В. Фушич был депутатом Национального Собрания от КПЧ: Марьина, В. В.: Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Москва 2009, s. 263–264.

13 Цуперяк, Микола: Журнал «Поступ». In: Дружно вперед [Пряшів] 1983, № 9, s. 24.

вины тогдашних «союзовцев»,¹⁴ а 4 ноября 1928 г. в самом «Союзе» он был избран на ключевую должность секретаря.¹⁵

Роль упомянутых студентов в тогдашней жизни «Союза» довольно противоречива. С одной стороны, именно их радикализм существенно повлиял на окончательный отказ «Союза» от консерватизма в актуальном на то время национально-языковом вопросе и фактически заставил официально задекларировать принадлежность к украинскому лагерю. Точкой не возврата в этом процессе стало внеочередное общее собрание «Союза» 10 февраля 1929 г. Как следует из архивных документов, инициировано оно было именно коммунистами, а формальным поводом послужило закрытие властями упомянутого выше журнала «Наша Земля». В ходе собрания «союзовцы» безоговорочно поддержали предложенную Добровским резолюцию, в которой запрет издания журнала был резко осужден и воспринят как сигнал к борьбе за права украинского населения Закарпатья (в тексте этой и других резолюций, принятых собранием, в отношении Подкарпатской Руси употреблялся исключительно термин «Закарпатье», что на тот момент было довольно смелым). Заканчивалась резолюция призывом ко всем гражданам и особенно студенчеству встать на борьбу против «насильников», под которыми подразумевалась чехословацкая власть.¹⁶

Ключевым же документом, принятым на собрании, была резолюция по национально-языковому вопросу, также предложенная Добровским. «Население Закарпатья, которое еще и теперь носит на себе названия «русин», «руснак» – это органичная составляющая украинского народа, который населяет Советскую Украину, Западную Украину (то есть Галицию, Вольнь, Полесье, Холмщину), Буковину, часть Бесарабии и некоторые земли Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Население этой территории говорит на одном и том же украинском языке, имеет одну и ту же литературу, один и тот же народный быт и народное искусство. <...>. В связи с этим нет никаких оснований для теории о национальной отдельности «русинского» населения от всего остального украинского народа», – говорилось в ней.¹⁷ В этом же документе «Союз» покался за собственную поддержку русинства в недавнем прошлом, объявил о переходе в официальном делопроизводстве

14 Národní archiv (NA), fond Ruské a ukrajinské emigrantské spolky a organizace (RUESO), sign. 298, kart. 46.

15 АНМР, СК II/535, kart. 323.

16 Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО), Ф. 4392, Оп. 1, Спр. 3, арк. 1.

17 Ibidem, арк. 4.

на фонетическое правописание (по стандартам, принятым в Советской Украине) и резко осудил представителей старшей интеллигенции Подкарпатской Руси, прикрывающихся русинством, объявив их сознательными и несознательными пособниками «угнетателей». В заключительной части собрания было объявлено о намерении переименовать организацию в «Союз Подкарпатских Украинских Студентов».¹⁸ Прозвучавшие на собрании выступления и принятые там резолюции по своему содержанию очень напоминали тогдашние публикации подкарпатской коммунистической прессы. Тем не менее они получили одобрительный резонанс и украинских национал-демократических кругах соседней Галиции¹⁹, а для подкарпатских народовцев (прежде всего деятелей общества «Просвіта»), на тот момент еще достаточно осторожных в национально-языковом вопросе, поступок академической молодежи являлся серьезным примером и стимулом.

Однако же, наряду с этим, попытки коммунистического меньшинства подменить своими идеологическими установками волю всего «Союза» нередко играли с организацией злые шутки. К примеру, в начале июня 1929 г., выступая от имени «Союза» в Либереце на собрании, посвященном памяти воинов Украинской Галицкой Армии, П. Добровский озвучил ряд негативных высказываний в адрес правительства, за что был арестован. А немного позже он пробовал отозвать свою подпись под официальным заявлением «Союза» в поддержку Мукачевской греко-католической епархии.²⁰ Естественно, что подобные действия компрометировали организацию в глазах чехословацких властей и влиятельных кругов Подкарпатской Руси. Поэтому конфликты руководства «Союза» со студентами-коммунистами не запоздали.

Первый из них произошел уже в июне 1929 г., когда комитет «Союза» занимавшийся подготовкой Съезда народовцевкой молодежи (о намерении его провести также было заявлено на собрании 10 февраля), категорически отказался от предложенного Добровским проекта резолюций, наполненного коммунистической риторикой. В знак протеста тот вышел из подготовительного комитета и объявил о сложении полномочий секретаря «Союза».²¹

А непосредственно к самому съезду П. Добровский и Н. Цуперяк подготовили и размножили на гектографе агитационный альманах «Ластівка», который через студентов и учеников средних школ распространили в некоторых городах и селах Подкарпатской Руси. 20-страничная «Ластівка» была

18 Ibidem, арк. 5–6.

19 На переломі. Ін: Діло [Львів], 1929, 10 березня, с. 2.

20 Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО), Ф. 269, оп. 1, спр. 896, арк. 10.

21 Ibidem, арк. 5, 9.

радикальным продолжением резолюций февральского собрания, своеобразным манифестом, демонстрирующим взгляд карпато-украинских студентов-коммунистов на национально-языковой вопрос в Подкарпатской Руси. В передовой статье утверждалось: «Чешская власть боится, чтоб наше население не узнало, что в Галиции и на Советской Украине живет тот же украинский народ и чтоб не захотели с советскими братьями украинцами в одном государстве».²² С этих же позиций резкой критике, приукрашенной традиционными для коммунистических изданий эпитетами, подвергались языковая политика ЧСР в отношении Подкарпатья и все без исключения явления и группы, способствующие ей: греко-католическое духовенство с его мадьяронством и русинством, представители русофильского культурно-политического лагеря с их деструктивными действиями, консерватизм и нерешительность многих деятелей-украинофилов. Серьезным нападкам поддавались и непосредственно члены «Союза». Их составители альманаха обвиняли в неактивной просветительской работе в селах, сотрудничестве с «буржуазной» украинской эмиграцией, нежелании в одних рядах с рабочим классом и бедным крестьянством бороться за «лучшее будущее народа», критиковали за отсутствия контактов со студенчеством Галиции и Советской Украины. На страницах альманаха Подкарпатская Русь фигурировала исключительно под названиями «Закарпатье» и «Закарпатская Украина». Несмотря на ограниченный тираж, «Ластівка» вызвала заметный резонанс: полиция провела по этому поводу специальное расследование, а экземпляры альманаха конфисковались жандармами в разных точках Подкарпатской Руси.²³ Поскольку распространявшие альманах студенты были членами «Союза», это в очередной раз скомпрометировало организацию в глазах властей, а также и бросило тень на весь украинофильский лагерь. Даже спустя несколько лет некоторые чешские газеты вспоминали об альманахе, как доказательстве антигосударственной деятельности подкарпатских украинофилов.²⁴

22 ДАЗО, Ф. 2, оп. 1, спр. 154, арк. 3.

23 Альманах состоял из анонимных статей и заметок: «Не угода, але боротьба», «Завдання студентства Закарпатської України», «Шкільне і самосвітне виховання», «Чого студенти не знають», «Шкільна політика на Зак. Україні», «Кропило для попів», «Українська еміграція і закарпатське студентство», «Проти русофільства», «Чи треба зв'язків з українським студентством», «Русин чи українець», «Чехи і чехи», «Чому не Підкарпатська Русь?», «Як вони доплачують»: ДАЗО, Ф. 2, оп. 1, спр. 154, арк. 3–13; ДАЗО. Ф. 117, оп. 4, спр. 489, арк. 1–18.

24 Nová aféra na Podkarpatsku. In: Lidové Noviny [Brno], 31. 12. 1930, s. 2; Z ukrajinské džungle. In: Podkarpatské Hlasy, 18. 2. 1931, s. 1; Když «Lastivka» vyletela... In: Podkarpatské Hlasy, 20. 3. 1931, s. 1.

Конфликт между студентами-коммунистами и «Союзом» продолжился на общем собрании организации 1 ноября 1929 г. Добровским и Цуперяком тогда даже была подготовлена специальная резолюция об осуждении деятельности руководителей «Союза». Одним из главных его грехов, в частности, называлось проведение в Ужгороде съезда молодежи под патронатом политических групп покорных «денацианизаторскому режиму».²⁵ Хотя резолюция так и не была зачитана, отдельные ее тезисы П. Добровский всё же озвучил в своем выступлении. Символично, также что во время формирования собранием новых руководящих органов «Союза» он претендовал на должность председателя, но в результате голосования с существенным отрывом проиграл студенту философского факультета Юрию-Августину Шерегию (1907–1990). Нежелание коммунистов смириться с поражением стало причиной того, что вся деятельность «Союза» в течении учебного года происходила в условиях ошутимого идеологического противостояния. Критицизм и нападки со стороны Добровского, а особенно – Цуперяка вызывали практически все тогдашние действия и инициативы руководителей «Союза»: и их недостаточно жесткая позиция в вопросе утверждения нового устава (в конце 1929 г. Министерство внутренних дел ЧСР отказалось одобрить устав организации, в котором она была переименована в «Союз Подкарпатских Украинских Студентов», дальнейшие же попытки добиться одобрения документа, проводимые студентами в течении учебного года, тоже оказались безрезультатными), и инициатива издавать журнал совместно с украинскими эмигрантами, и даже постановки театральной секции «Союза», и многое другое... Очевидно, не последнюю роль мнение студентов-коммунистов сыграло и в том, что 21 декабря 1929 г. «Союз» отказался поддержать заявление об осуждении красного террора в Советской Украине, инициированное организациями украинских эмигрантов.²⁶

Помимо этого в указанный период на страницах подкарпатской коммунистической прессы появилось несколько далеко неслестных анонимных публикаций, посвященных внутренней обстановке в «Союзе».²⁷ Их авторство, несомненно, принадлежало либо Добровскому, либо Цуперяку, поскольку изложенные в статьях факты были известны лишь членам организации. Усугублению конфликта содействовало также использование студентами-

25 Речь шла о Христианско-народной партии, возглавляемой о. Августиним Волошиным и краевой организации Социал-демократической партии: NA, RUESO, sign. 267, kart. 43.

26 ЦДАГО, Ф. 269, оп. 1, спр. 901, арк. 14–22

27 На Закарпатті нема українців – каже пан міністр. In: Карпатська Правда [Ужгород], 1930, 23 лютого, s. 2; Яких патронів і опікунів шукає собі фашистське студентство. In: Голос Життя [Ужгород], 1930, 15 липня, s. 4.

коммунистами структур «Союза» в целях партийной пропаганды. К примеру, через созданную при нем рабоче-крестьянскую секцию Н. Цуперяк занимался оформлением подписки на газету «Rude právo» – печатный орган ЦК КПЧ.²⁸ Естественно, что такое поведение рано или поздно должно было вызвать адекватную реакцию со стороны руководства «Союза». И она вскоре последовала – 3 марта 1930 г. Н. Цуперек получил выговор за нарушение устава организации (формальной причиной послужила его агитация против выступления театральной секции «Союза» в с. Ясиня в декабре 1929 г.),²⁹ а осенью того же года он был исключен из «Союза».³⁰ Это стало первым решительным шагом в процессе избавления организации от коммунистического влияния.

Однако деструктив со стороны коммунистов в отношении «Союза» на этом не прекратился. 9 июня 1931 г. (вероятно, по просьбе Добровского), сенатор от КПЧ Иван Локота (1884–1942), направил в Министерство внутренних дел интерpellацию с требованием немедленно одобрить устав «Союза Покарпатских Украинских Студентов».³¹ Этот поступок был явно провокационным, поскольку сам «Союз», в силу разных обстоятельств, на тот момент временно отказался от идеи легализации нового устава. К тому же сопровождался это высмеиванием национальной слабхарактерности «союзовцев» на страницах коммунистической газеты «Працююча Молодь». В ответ на такие действия коллег студент Михаил Русинко (1906–?), выступая от имени всего «Союза», эмоционально написал: «Знайте же, что студенты рвут всяческие взаимоотношения с вами и постараются уничтожить таких национальных работников как вы, коммунисты».³²

Апогеем конфликта между «Союзом» и студентами-коммунистами стала история с журналом «Поступ», который коммунистическая группа начала издавать в декабре 1931 г. Владельцем и издателем журнала был Павел Добровский, а ответственным редактором – студент-юрист Иван Горват (1910–?), учащийся на несколько курсов младше. Третьим сотрудником редакции стал Николай Цуперяк. Журнал пытался позиционировался как «орган прогрес-

28 Na obranu «Rudého práva». In: Dělnická Rovnost [Praha], 16. 2. 1930, s. 3.

29 ЦДАГО, Ф. 269, оп. 1, спр. 901, арк. 24.

30 О факте исключения «за коммунистические взгляды» уже в советское время (1954 г.) упоминал сам Н. Цуперяк, давая показания по уголовному делу в отношении бывшего председателя «Союза» Николая Бандусяка: Галузевий державний архів Служби безпеки України, Ф. 6, оп. 1, спр. 75834 фп, т. V, арк. 311.

31 Шляхом жовтня: Промови та інтерпеляції депутатів-комуністів у чехословацькому парламенті про Закарпатську Україну (1921–1938). Ужгород 1959, s. 323–324.

32 М. Р.: Скажи дурневи, що він розумний – він то й повірить!/: Фрази компартії. In: Свобода [Ужгород]. – 1931, 2 липня, s. 3.

сивной молодежи», исповедующий надпартийный принцип.³³ Но уже сама программная статья, помещенная на передовице его первого номера, давала четкое понимание истинной идеологической направленности. «Издавая этот журнал, горячо желаем, чтобы он стал журналом всей нашей молодой генерации, генерации молодой духом и телом; той генерации, что не превратилась в господ, не продалась сильным мира сего, а вместе с народом хочет бороться за его лучшую будущность. <...> Мы хотим быть щитом, отбивающим все удары наших врагов, хотим быть мечем, которым бы расплачивались мы за народные обиды», – писали сотрудники редакции.³⁴ Как утверждал позже Цуперяк, издание «Поступа» координировал непосредственно первый секретарь крайкома КПЧ в Подкарпатской Руси Эммануил Клима (1902–1941). Нетрудно догадаться, что именно КПЧ и была основным финансовым донором журнала, хотя сама редакция практически в каждом номере утверждала, что «Поступ» издается исключительно за счет собственных сбережений, собранных благотворительных взносов и подписки.³⁵

Главными темами, поднимаемыми на страницах «Поступа» были: сложное материальное положение Подкарпатской Руси, которое в этот период (в связи с экономическим кризисом) существенно ухудшилось, национально-языковая политика чехословацкого правительства в отношении подкарпатских и пряшевских украинцев, ну и собственно критика деятельности «Союза». Последней теме был посвящен ряд обширных публикаций, подписанных псевдонимом «Союзівець», в которых, в частности, осуждалось сотрудничество организации с чехословацкой властью и заигрывание с «буржуазными» политиками.³⁶

Целью нападок издателей «Поступа» на «Союз», очевидно, было желание посеять среди его активистов сомнение и таким образом привлечь их «прогрессивную» часть на свою сторону. На практике же вышло иначе – сумев приобрести лишь нескольких ситуативных сторонников из числа малообеспеченных студентов и недавних выпускников Береговской гимназии,³⁷ издатели журнала при этом окончательно настроили против себя большинство функционеров и активных членов организации. Уже в январе 1932 г., анализируя программу журнала «Поступ», «союзовец» Николай Лелекач (1907–1975), очевидно выражая мнение многих коллег, пи-

33 До українського громадянства! Ін: Поступ [Прага], 1931, № 1, с.15.

34 До читачів! Ін: Поступ, 1931, № 1, с.1.

35 До українського громадянства, с.15; До наших читачів. Ін: Поступ, 1932, № 2–3, с.47–48; До наших читачів. Ін: Поступ, 1932, № 4, с. 87; До читачів. Ін: Поступ, 1932, № 6–7, с. 159.

36 Союзівець: «Закарпаттям інтересуються»... Ін: Поступ, 1932, № 2–3, с. 31–33.

37 Шандор, Вікентій: Спомини. Том I. Ужгород 1995, с. 96.

сал: «Бьют по всему и каждого, критикуют, анализируют и разбирают, но, что немало важно – не строят. По нашему мнению, если кто-то недостатки критикует и разбирает, то он также должен показать, как эти недостатки нужно исправлять и показать программу будущего прогресса. Этого газете как раз и не хватает».³⁸

А 12 марта 1932 г. на внеочередном общем собрании «Союза» по инициативе его бывшего председателя Николая Бандусяка (1909–2002) деятельность Добровского и Горвата членами организации была осуждена. Тогда же было вынесено предложение об исключении их обоих из «Союза», но из-за неоднозначности во мнениях его рассмотрение было отложено.³⁹ Чуть позже санкций для издателей журнала начали добиваться и «союзовцы» из Братиславы. В письмах от 12 и 21 апреля 1932 г. они требовали от правления организации немедленно наказать сотрудников редакции, которые ради партийной пропаганды пренебрегли своим членством в «Союзе». Они также требовали публично отречься от действий издателей «Поступа», чтоб у читателей не возникало впечатления, будто журнал выражает официальную позицию «Союза», и просили в будущем не печатать на страницах издания каких-либо официальных документов организации. На это правление «Союза» лишь сумело ответить, что вопрос о наказании лиц, причастных к изданию журнала, будет рассмотрен на продолжении общего собрания, которое планировали провести после пасхальных каникул.⁴⁰ Однако до конца учебного года никакого решения по этому вопросу так и не было принято. Мало того – в этот период «Союз» продолжал печатать на страницах «Поступа» свои официальные материалы, последний из них был опубликован летом 1932 г.⁴¹ Вялая позиция руководства «Союза» в этом вопросе, вероятно, была вызвана несколькими обстоятельствами: во-первых – нежеланием «выносить сор из избы», давая таким образом студентам из русофильского лагеря лишний повод для насмешек; во-вторых – неуверенностью, что предложение об исключении Добровского и Горвата найдет поддержку большинства «союзовцев», а не спровоцирует дополнительный конфликт внутри организации. Последняя причина свидетельствовала, что позиции коммунистов в «Союзе» на тот момент еще были довольно сильны.

Окончательно вопрос удалось решить лишь осенью 1932 г., когда членская база «Союза» слегка обновилась за счет вновь прибывших студентов. Кампанию за лишение П. Добровского и И. Горвата членства в «Союзе» тог-

38 Лелекач, М.: Новый часопис. In: Пчблка [Ужгород], 1931/32, № 5, s. 148.

39 Відсудили та й викидають. In: Поступ, 1932, № 4, s. 86.

40 NA, RUESO, sign. 268-1, kart. 43.

41 Всім абсолювентам середніх шкіл. In: Поступ, 1932, № 6–7, s. 157.

да возглавил один из лидеров организации Викентий Шандор (1907–2003). Кстати, он сам на момент издания первых номеров «Поступа» исполнял в его редакции функции администратора,⁴² поэтому не исключено, что нынешняя позиция в отношении издателей журнала, помимо прочего, могла определяться также желанием снять с себя ответственность и реабилитироваться в глазах остальных членов «Союза».

Как свидетельствуют протоколы, дело «Поступа» было предметом обсуждения на заседаниях правления «Союза» 7 и 13 октября 1932 г. При этом первое заседание ограничилось только констатацией факта о вреде, наносимом сотрудниками редакции журнала репутации «Союза», отложив окончательное разбирательство в этом вопросе до общего собрания. Однако уже на заседании 13 октября, по предложению В. Шандора, было принято конкретное решение об исключении издателя и ответственного редактора журнала из организации, которое «союзовцы» должны были утвердить общим собранием.⁴³ Правда, как спустя много лет утверждал сам Шандор, второе заседание правления также не принимало решения об исключении студентов-коммунистов. Согласно его мемуаров, этот вопрос тогда обсуждался, но голосов для исключения не хватило. Соответствующие же правки, по словам Шандора, в текст протокола он и писарь «Союза» Юрий Соколович (1907–1960) произвольно внесли уже постфактум. Свои действия автор мемуаров объяснял тем, что в противном случае у издателей «Поступа» был шанс в очередной раз уйти от ответственности.⁴⁴

Информация о фальсификации решения косвенно подтверждается протоколом общего собрания «Союза» от 15 октября 1932 г., поскольку пункт об исключении издателей «Поступа» не стоял в повестке дня изначально (что было бы логичным в той ситуации), а был внесен уже в ходе работы собрания по предложению В. Шандора. Он же и вступил по этому вопросу главным докладчиком и обвинителем. Рассмотрение вопроса длилось около двух часов, утомив большинство присутствовавших. В ходе обсуждения П. Добровский в своей долгой объяснительной речи вины перед организацией не признал, а И. Горват от объяснений вообще отказался. По результатам голосования, за исключение студентов-коммунистов высказались 26 членов «Союза» (включая голоса членов филиала в Братиславе, от имени которых голосовал один делегат), против – 6, при этом 9 «союзовцев» участия в голосовании не принимали. Сразу же после

42 Шандор, Вікентій: Спомини. Т. I, s. 95.

43 ЦДАВО, Ф. 4392, Оп. 1, Спр. 2, арк. 1–2.

44 Шандор, Вікентій: Спомини. Т. I, s. 96.

подсчета голосов исключенные студенты вынуждены были покинуть собрание.⁴⁵

Учитывая то, что решения принималось большинством голосов участников собрания, перевес был минимальным. Это в последствии признавал и сам Шандор, отмечая, что победу удалось получить лишь за счет 17 голосов, делегированных братиславским филиалом своему представителю. Он также вспоминал что во время голосования между студентами, поддерживавшими исключение, и противниками такого решения чуть не возникла потасовка.⁴⁶ Эти факты свидетельствовали, что к концу 1932 г. года коммунисты еще имели определенное число сторонников среди членов «Союза». Правда, ситуация от этого не поменялась – в результате исключения Добровского и Горвата из «Союза» влияние Коммунистической партии на эту организацию свелось к минимуму, а в скором будущем окончательно прекратилось. Как следствие вначале 1933 р. приостановилось и издание «Поступа», который явно не справился с возложенной на него миссией.

Примечательно, что связи с коммунистами в ближайшем будущем прервали и сами издатели журнала. В сентябре 1934 г. П. Добровский и Н. Цуперяк со скандалом вышли из КПЧ и даже были публично обвинены бывшими соратниками в «буржуазных взглядах».⁴⁷ Правда, оба молодых человека продолжали участвовать в рабочем движении уже как беспартийные: Добровский до 1937 г. руководил в Праге приютом для рабочих из Подкарпатской Руси,⁴⁸ а Цуперяк в это время был председателем студенческого профсоюза при пражском Союзе служащих частных предприятий,⁴⁹ 26 августа 1935 г. по их инициативе в Ужгороде состоялся «Съезд прогрессивного студенчества», участие в котором приняли несколько организаций левого спектра.⁵⁰ В отли-

45 ЦДАВО, Ф. 4392, Оп. 1, Спр. 2, арк. 3–5.

46 Шандор, Вікентій: Спомини. Т. I, s. 97.

47 За двері з петлюрівськими недобитками. Ін: Голос життя, 1934, 7 жовтня, s.7.

48 ЦДАВО, Ф. 4366, оп.1, спр. 3, арк. 12.

49 NA, RUESO, sign. 268-3, kart. 43.

50 Организатором съезда был возглавляемый Н. Цуперяком профсоюз, к которому присоединились несколько венгерских и еврейских студенческих объединений из Ужгорода и Берегова, а также интернациональный «Союз социал-демократических студентов из Подкарпатской Руси». Приглашения на съезд были также посланы «Союзу» и «Возрождению», но обе организации официально от участия отказались (некоторые члены «Союза» всё же участвовали в мероприятии, но как представители «социал-демократических студентов»), официальное поздравление съезду прислал пражский Союз коммунистического студенчества. В числе выступивших на съезде были: П. Добровский, депутат Национального Собрания от Социал-демократической партии Ю. Ревай, председатель общества «Солидарность» Й. Гати (бывший лидер подкарпатских коммунистов и депутат

чий от бывших коллег, Иван Горват полностью сменил политическую окраску – осенью 1934 г. он стал ближайшим сотрудником журнала «Живая Мысль», издаваемого его однокашником – народным социалистом Иваном Андрашко (1909–1984). На страницах этого издания вчерашний коммунист восхвалял правительственную концепцию о «примирении языковых направлений» в Подкарпатской Руси и пропагандировал политическое русинство,⁵¹ за что был подвержен жесточайшей критике со стороны большинства студенческих активистов, включая вчерашних соратников.⁵²

Что касается самого «Союза», то после исключения студентов-коммунистов в нем за короткое время произошли существенные идеологические изменения. Уже в начале 1933 он вошел в тесный контакт с объединениями украинских студентов-эмигрантов («Українська академічна громада», «Центральний Союз Українського Студентства»), находящимися под серьезным влиянием Организации Украинских националистов, которая нелегально действовала в Чехословакии. Это в свою очередь отразилось на самом «Союзе» и уже в 1933/34 учебном году, украинский национализм фактически стал официальной идеологией организации.⁵³

Переход организации на националистические позиции, что естественно, лишь усилил негативное отношение к КПЧ. К концу 1930-х гг., малейшие контакты «союзовцев» с коммунистами воспринимались как нарушение членской дисциплины. Например, 26 марта 1938 г. во время заседания правления «Союза» его фактический лидер Степан Росоха (1908–1986) потребовал исключения студентов Антона Романца (1917–?) и Ивана Бойчука (1918–?) за действия, идущие вразрез с идеологией организации, а именно – сотрудничество с «крайними социалистами»⁵⁴ (под этим определением подразумевались именно коммунисты). А годом спустя члены «Союза» официально приняли участие в учредительном собрании ультраправого «Общества борьбы с коммунизмом», состоявшегося 9 февраля 1939 г. в Хусте. Участниками собрания, в частности, были упомянутый выше Антон Романец, Елизавета Кузьма (1914–?) и Василий Кузьмик (1916–1942), который даже занял должность референта по вопросам пропаганды. Целью созданной организации была «борьба с коммунизмом во

Национального Собрания, исключенный из КПЧ в 1929 г.), представитель «Союз социал-демократических студентов из Подкарпатской Руси» Н. Небесник и др.: ДАЗО, Ф. 2, оп. 1, спр. 197, арк. 102–120.

51 Горват Иван: Чи погодимось? Ін: Живая Мысль [Прага], 1934, № 5, s. 2–8.

52 ДАЗО, Ф. 30, оп. 4, Спр. 1537, арк. 4.

53 ЦДАВО, Ф. 4392, оп. 1, Спр. 2, арк. 34.

54 Ibidem, арк. 82.

всех его проявлениях». ⁵⁵ Таким образом украинизация «Союза», которой в свое так последовательно добивались коммунисты, в конце концов обернулась против них самих.

Из изложенного следует, что в указанный период КПЧ имела определенные контакты с карпато-украинскими студентами, обучавшимися в чехословацких вузах. Особенно это касалось членов «Союза», имевших ярко выраженные проукраинские взгляды. Влияние КПЧ на деятельность «Союза» особенно ощущалось 1928–1932 гг., благодаря нескольким активистам партии в рядах «союзовцев». При этом их роль в истории организации нельзя оценивать однозначно, поскольку она имела как позитивные (стремительная украинизация «Союза» в конце 1920-х гг.), так и негативные последствия (провоцирование внутреннего противостояния в организации и ее конфликтов с властью). К середине 1930-х гг. «Союз» окончательно вышел из-под влияния КПЧ, со временем превратившись в антикоммунистическую организацию.

55 Великий день в Столиці Карпатської України. In: Наступ [Хуст], 1939, 16 лютого, s. 2.

The students of Carpathian Ruthenia and the Czechoslovak Communist Party in the interwar period: History of the Relations

The paper, based on both archival and edited sources, draws attention to the influence of the Czechoslovak Communist Party on the students in Carpathian Ruthenia and on the local student organisations in the interwar period. Author analyses the cooperation of student activists with party bodies and with the press, their participation in pro-Soviet organisations and their activities, organised with the support of the Communist Party. A special attention is given to student Communist editions Lastivka (1929) and Postup (1931–1933) and to the reaction of Czechoslovak authorities as well as of other professional students' associations in Carpathian Ruthenia.